

УДК 93/94

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНОГО МИРА РУССКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ЭМИГРАЦИИ 1920–1930-х ГОДОВ

Диакон Антон Артурович Дик
кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой теологии
ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный университет
им. Г. Р. Державина»
E-mail: dick_an@mail.ru

Для цитирования: Дик, А.А., *диак.* Условия формирования духовного мира русской студенческой молодежи в эмиграции 1920–1930-х годов // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – Тамбов, 2020. – № 1 (10). – С. 144–154.

Аннотация

В статье сделана попытка выявления факторов, оказавших влияние на духовный мир и мировоззрения первых поколений русского христианского студенчества, оказавшегося в эмиграции. Автор рассматривает проблемы существования молодых эмигрантов в условиях церковных нестроений, борьбы с денационализацией. Особое внимание уделяется вопросам продолжения прерванного образования, а также особенностям формирования политических взглядов в инокультурной среде.

Ключевые слова: Русское студенческое христианское движение (РСХД); эмиграция; образование; культура.

Среди замечательных явлений отечественной истории и культуры особое место занимает русская эмиграция XX века. Уникальность русского зарубежья состоит в его служении вечным идеалам христианства, ознакомлении инородческой общественности с русской культурой, нравственными и духовными ценностями Православия. Высокое предназначение ощущалось некоторой частью

эмигрантов и выражено словами, приписываемыми писателю Дмитрию Мережковскому: «Мы не в изгнании – мы в послании» [2, с. 28–29]. В то время, когда в России в условиях гонения на Церковь закрывались духовные учебные заведения, физически уничтожалось духовенство, российские эмигранты развернули активную издательскую деятельность и богословские исследования. В изгнании оказались представители творческой интеллигенции, философы, богословы, такие как: протоиерей Георгий Флоровский, Владимир Лосский, Николай Бердяев, протоиерей Сергей Булгаков, Владимир Ильин и многие другие деятели, обеспечившие настоящий ренессанс русской религиозной культуры XX века.

На наш взгляд, чрезвычайный интерес представляет изучение мира эмигрантской молодежи, которая воспитывалась и получала образование уже в новых условиях и была свободна от некоторых стереотипов своих родителей. Представитель этого молодого поколения Владимир Варшавский назвал своих сверстников «незамеченным поколением». Они родились в самом начале XX века, некоторые из них успели получить в России школьное образование, старшие успели поступить в университеты, прошли в рядах Добровольческой армии через Гражданскую войну, сохранили воспоминания о России. Это поколение не смогло превзойти известностью своих «отцов», но из него вышло множество талантливых инженеров, врачей, писателей, богословов. Мировосприятие этого поколения формировалось в особых обстоятельствах: отчужденность старшего поколения, унижительное положение беженцев, смена привычного культурного окружения, идеологический кризис, бедность, неопределенность, мучительное осмысление прошлого и настоящего, все это создавало неповторимый облик молодого русского эмигранта в довоенной Европе. Мы постараемся исследовать условия формирования духовного мира и мировоззрения христианской молодежи на протяжении 1920–1930-х годов.

В оценке численности русских эмигрантов существуют разные точки зрения. Всего около двух десятков стран первоначально приняли русских беженцев. Их численность, со ссылкой на данные Лиги Наций, приводит З.С. Бочарова. Всего по состоянию на 1924 год было зарегистрировано 1 304 100 беженцев из России, бо-

лее половины из которых приняли Германия и Франция [3, с. 61]. Что касается количества учащейся молодежи, по данным Объединения русских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО) за 1922 год, студентов и юношей, окончивших средние учебные заведения в России, оказалось более 14 тыс., а с учетом получивших среднее образование за границей – 16 тыс. Считается наиболее достоверным число детей беженцев 18–20 тыс. В зарубежной русской школе обучалось примерно 12 тыс., из которых 3 тыс. посещали школы национальных меньшинств в лимитрофных государствах, 68 тыс. детей получали образование в иностранных школах. Таким образом, численность молодого поколения составила примерно 40 тыс. [3, с. 250–251].

Правительства большинства принимающих стран брали на себя материальные затраты по частичному содержанию русских студентов, создавали благоприятные условия, предоставляли общежития. При некоторых российских посольствах были созданы Испытательные комиссии, принимавшие экзамены, дававшие возможность продолжить получение высшего образования вне России. Особенно благоприятные условия для национального высшего образования сложились в Чехии и Франции. В Праге были открыты русский университет, педагогический институт, юридический факультет. В Париже было основано семь русских высших учебных заведений [4, с. 176–188]. Обычно русские высшие учебные заведения были еще и культурными центрами.

По происхождению основная часть эмигрантов относилась к дворянскому сословию, некоторую часть составляла интеллигенция, православное духовенство. После разгрома белой армии среди эмигрантов оказались офицеры, казачество, низшие чины, кадеты и дезертиры. Вынужденными эмигрантами стали жители бывших российских протекторатов (Финляндии, Эстонии, Литвы, Латвии, Польши), получивших независимость.

За рубежом эмигранты утратили русское подданство, дворянские титулы и прежнее положение. Правовой статус беженца был получен русскими эмигрантами лишь после Женевской конференции 1928 года, а до этого они были вынуждены приспособиваться к законам страны пребывания, нарушение которых грозило депортацией в Советскую Россию [1, с. 14].

Мало кто из русских имел сбережения в европейских банках, уезжали спешно, не имея при себе не только денег, но и элементарных бытовых мелочей. Многие беженцы превратились в таксистов, наемных разнорабочих, сторожей. Быт зависел от трудоустройства. Для работы на машиностроительных заводах, шахтах, на химических предприятиях требовались рабочие визы. Как утверждал И. Лаговский в своей заметке: «В бесчеловечности, а вместе и в безбожности современных социально-экономических условий христианский брак, христианская семья часто, практически становится „роскошью“, которую могут позволить себе лишь немногие» [8, с. 10–11]. Лаговский рассказывает о том, что в эмиграции не редкость такие семьи, в которых отец и мать почти не встречаются. Муж работает ночью, жена днем, живут за городом и не в состоянии следить за своими детьми. Временное сожителство становилось в таких условиях социально более удобным, распад семей вскоре после брака был не редкостью [8, с. 11]. В таких условиях религия становилась неудобной, на нее не было времени, она становилась поверхностной и заключалась в формальном исповедании себя христианином. Лаговский рассказывает о своих встречах с подростками, которые не знали слова «молиться» и лишь слышали, что когда-то существовал Иисус Христос, хотя и считали себя христианами.

Религиозность была распространена, но Лаговский отмечает ее распространение «по церковному», только потому, что так принято, таковы традиции и требования «общественного приличия». Для многих из молодежи «церковное» было связано с длинными, пышными, не всегда понятными церемониями. Он отмечает, что часто встречал защитников «одинокой» молитвы без храма.

Политические идеи, сменяя друг друга, захватывали умы европейской молодежи. Коммунизм в рядах русской эмиграции вызывал отторжение и дружное неприятие, его сменили идеи фашизма и нацизма. Небольшая группа эмигрантской интеллигенции оторвалась от поддержки каких бы то ни было политических взглядов, сохраняя православную веру. В сознании этих людей закрепилась логическая цепочка: революция, гибель России, «реки крови» – все это результат забвения Бога. Русский православный храм был единственным местом, где изгнанник чувствовал себя дома. Здесь

все напоминало о родине, здесь была самая существенная ее часть. Этот возврат религиозности был тем более заметен на фоне всеобщей безрелигиозности, о которой говорили многие богословы и общественные деятели начала XX века. Русское студенческое христианское движение с момента своего создания определило себя как аполитичное. Но многим было слишком трудно отказаться от соблазна политики, поэтому решение насущных проблем виделось в более эффективном, земном применении собственной энергии и ума, в попытке совместить политические идеи и православное мировоззрение.

Русское православное сознание часто, особенно в эмигрантской среде, связывалось с сознанием национальным, так как велась борьба с денационализацией молодежи. В. Варшавский утверждает, что движение так и не смогло преодолеть предвзятой враждебности правой эмиграции, и со ссылкой на В. Соловьева обвиняет в отказе некоторой части движенцев от вселенской идеи и в подмене христианства «зоологическим патриотизмом» [5, с. 117]. Русский мессианизм получил широкое распространение среди евразийцев и других пореволюционных течений. Идеальный кризис нарастал, сыпались обвинения в связях РСХД с жидомасонами. В 1927 году из Движения ушло белградское Братство имени Серафима Саровского, требовавшее исключения из рядов движения Н. Бердяева за резкий отзыв о Карловацком Синоде. В 1934 году движение покинул Н. Федоров, занимавшийся в РСХД с детскими дружинами «Витязей». Основав новую организацию, куда перешло большинство мальчиков, Федоров назвал ее «национальной организацией витязей», как бы желая подчеркнуть ее направленность.

Неоднородность политических и религиозных взглядов, разные отношения к происходящему в России вскоре привели к разногласиям среди духовенства и мирян, а затем к расколам. Не останавливаясь подробно на сути разногласий, мы сосредоточим внимание на части эмигрантского общества, поддерживавшую митрополита Евлогия (Георгиевского), так называемых «евлогийан». По словам З.С. Бочаровой: «Дух евлогийанской церкви привлекал беженцев своей терпимостью, большей степенью мягкости и свободы, отделения от государственности, был «ближе к вселенскому образу Православия» [3, с. 172]. Б. Зайцев – русский писатель и

переводчик, одна из последних крупных фигур Серебряного века, писал: «Бездомные и рассеянные более привлекаются внутренней стороной церкви, духовным миром, чем уклонами политическими» [6, с. 114]. Политические пристрастия и стремление любой ценой вернуть себе прежнюю Россию привели в итоге многих представителей «карловацкого» направления к сотрудничеству с нацистами.

Говоря о разделениях между «карловчанами», «евлогианами» и «патриархистами», И. Лаговский писал: «Часто отец и мать принадлежат к одному церковному течению, взрослые дети к другому. Молодежь невольно втягивается в острые и страстные церковные споры между членами семьи, отравляется ими. Недавняя злоупотребления „отлучениями“, взаимные неосмотрительные обвинения в „безблагодатности“, заявление по адресу принадлежащих к другому церковному течению, <...> приводят к тому, что смущение, вносимое в душу молодежи церковными расхождениями, завершается общим скептическим отношением ко всем религиозным вопросам, и даже религиозными сомнениями» [8, с. 117]. Церковные нестроения действовали как антицерковная пропаганда, толкающая молодежь в сторону своеобразной беспоповщины.

Возможность воцерковления напрямую зависит от доступности храмов. Существовавшие до 1920-х годов в странах Европы православные храмы были неспособны вместить внезапно возросшее число прихожан. Строительство новых приходов затруднялось бедностью эмигрантских общин. Создание нового духовного и образовательного центра было напрямую связано с деятельностью митрополита Евлогия и РСХД в Париже. Таким образом, Париж стал не только духовно-просветительским центром русской эмиграции, но и центром русского христианского студенчества. Работы по устройству Свято-Сергиевского подворья были начаты в 1924 году, а уже в 1925 году в храме подворья начали совершаться церковные службы, а в Свято-Сергиевском богословском институте начали обучение первые студенты. В стенах института трудились отец Сергей Булгаков, историк церкви А.В. Карташев, С.С. Безобразов, Г.В. Флоровский, архимандрит Киприан (Керн) и другие известные религиозные деятели, оказавшиеся в эмиграции. Благодаря такой

концентрации интеллектуальных ресурсов институт быстро завоевал репутацию ведущего духовного образовательного центра русской эмиграции. Деятельность института способствовала знакомству западных христиан с традицией Православной Церкви, отсутствие внешнего ограничивающего контроля стало толчком к развитию богословия. На территории подворья начала работу библиотека.

Русская диаспора была способна удовлетворить свои духовные и познавательные потребности во множестве библиотек, сеть которых функционировала в европейских странах с начала XX века. Ведущим историко-культурным центром для русской диаспоры была Тургеневская библиотека в Париже, она просуществовала с 1875 года до оккупации Парижа фашистами. Ее собрание к 1940 году состояло из более чем 100 тыс. книг. Библиотека устраивала концерты для детей и взрослых, спектакли, литературные чтения и др. Крупные библиотеки существовали при русских университетах, институтах и факультетах [9, с. 181–182].

Страны с наибольшим числом русских эмигрантов – Германия и Франция – обладали высокой, но чуждой русским культурой, поэтому денационализация русской эмиграции здесь проявлялась наиболее ярко. Для борьбы с денационализацией создавались русские школы, работали студенческие, юношеские объединения, общественно-политические организации, отмечали русские праздники [7, с. 16]. Интересна традиция праздников и юбилейных дат, с помощью которых эмигранты пытались сплотить разрозненные части «русского мира». Церковные и светские праздники являлись поводом для общения, скрашивая суровые будни людей на чужбине. Праздником, объединяющим всех эмигрантов, стал День русской культуры. В связи с большой долей студенчества в русской диаспоре особенное распространение получило празднование Дня русского студенчества – дня памяти мученицы Татианы (25 января). Среди памятных дат были юбилеи рождения или смерти русских литературных классиков. Интересно, что в дореволюционной России не было официальных общегосударственных светских праздников, за исключением памятных дат, связанных с правящим домом.

Многообразные обстоятельства и условия формировали неповторимый облик первых поколений русского христианского

студенчества; они оказали влияние на духовный мир и мировоззрение молодых эмигрантов. Жизнь эмигрантской молодежи проходила в двух культурных средах. Любовь к родине и одновременно признательность странам, ставшим новым домом для русской общины, благодарность за гостеприимство сделали эмигрантскую молодежь космополитами и патриотами одновременно, мыслящими в категориях мирового христианства. Совместное перенесение трудностей укрепило в следовании христианским идеалам в любых условиях, сделало христианство внутренним критерием, компасом, указывающим направление жизненного пути. Церковные нестроения, внутренние разногласия в Движении, заставили находить осмысленный ответ на временные трудности, руководствуясь Евангелием и соборным чувством следования за Христом в братстве и любви. Высокий уровень образования давал возможность защитить Православие в инокультурной среде, быть неутомимыми миссионерами, способствующими распространению Православия в Европе, на американском континенте, в Африке и других уголках планеты. Представители именно этого поколения внесли основной вклад в борьбу с нацистами в рядах французского сопротивления, налаживали работу движения в послевоенное время. Этому способствовали смелость и сила духа, ставшие личностным фундаментом эмигрантов первой волны.

Список литературы

1. *Бахарева, О.Я.* Социальное положение, быт и культура русской эмиграции первой волны (1917–1923 гг.) / О.Я. Бахарева // Человек в мире культуры. – 2017. – № 2/3. – С. 13–17.
2. *Бахрах, А.* По памяти, по записям : лит. портреты / А. Бахрах. – Париж : La Presse Libre, 1980. – 204 с.
3. *Бочарова, З.С.* Российское зарубежье 1920–1930-х гг. как феномен отечественной истории : учеб. пособие / З.С. Бочарова. – Москва : АИРО-XXI, 2011. – 304 с.
4. *Буланова, М.Б.* Высшее образование в условиях российского зарубежья / М.Б. Буланова // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2011. – № 3. – С. 176–188.

5. *Варшавский, В.С.* Незамеченное поколение / В.С. Варшавский. – Москва : Дом рус. зарубежья им. Александра Солженицына : Русский путь, 2010. – 544 с.

6. *Зайцев, Б.* Дни / сост. и подгот. текста и примеч. А.К. Клементьева ; предисл. О. Ростовской. – Москва : Русский путь ; Париж : YMCA-Press, 1995. – 480 с.

7. *Климович, Л.В.* Формы сохранения культурной идентичности молодым поколением российских эмигрантов в 1920–1930-е гг. / Л.В. Климович, Л.Ю. Лукичева // История : факты и символы. – Елец, 2016. – № 4. – С. 14–20.

8. *Лаговский, И.* Русская молодежь здесь и там / И. Лаговский // Вестн. РСХД. – 1934. – № 5–6. – С. 9–16.

9. *Муромцева, Л.П.* Роль библиотек в сохранении историко-культурного наследия российской эмиграции / Л.П. Муромцева // Румянцевские чтения – 2018 : [в 3 ч.]. – Москва : Пашков дом, 2018. – Ч. 2. – С. 181–187.

UDC 93/94

CONDITIONS FOR THE FORMATION OF THE SPIRITUAL WORLD OF RUSSIAN STUDENT YOUTH IN EMIGRATION IN THE 1920^S–1930^S

Antony A. Dik, Deacon

PhD in History, Associate Professor,
Head of the Theological Department
Derzhavin Tambov State University
E-mail: dick_an@mail.ru

For citation: *Dik, A.A., deacon.* Conditions for the formation of the spiritual world of Russian student youth in emigration in the 1920s – 1930s // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. Tambov, 2020, no. 1 (10), pp. 144–154. (in Russian)

Abstract

The article attempts to identify factors that influenced the formation of the spiritual world, mentality and worldview of the first generations

of Russian Christian students who found themselves in exile. The article discusses the problems of education, the fight against denationalization, political worldviews, the difficulties of forced emigration and the existence of church disorder.

Keywords: Russian Student Christian Movement; student Christian movement; emigration; education; culture.

References

1. *Bahareva, O.Ya.* Sotsial'noe polozhenie, byt i kul'tura russkoi emigratsii pervoi volny (1917–1923 gg.) [The social situation, life and culture of the Russian emigration of the first wave (1917–1923)]. / O.Ya. Bahareva // *Man in the world of culture*. 2017. no. 2/3. pp. 13–17. (in Russian)

2. *Bakhrakh, A.* Po pamyati, po zapisyam : literaturnye portrety [From memory, according to records: literary portraits]. / A. Bakhrakh. Paris: La Presse Libre, 1980. 204 p. (in Russian)

3. *Bocharova, Z.S.* Rossiiskoe zarubezhie 1920–1930-kh gg. Kak fenomen otechestvennoi istorii : uchebnoe posobie [Russians abroad in the 1920s-1930s as a phenomenon of domestic history: textbook]. / Z.S. Bocharova. Moscow: AIRO-XXI, 2011. 304 p. (in Russian)

4. *Bulanova, M.B.* Vysshee obrazovanie v usloviyakh rossiiskogo zarubezhiya [Higher education in the conditions of the Russians abroad]. / M.B. Bulanova // *Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Philosophy. Sociology. Art criticism*. 2011, no. 3, pp. 176–188. (in Russian)

5. *Varshavsky, V.S.* Nezamechennoe pokolenie [Unnoticed generation]. / V.S. Varshavsky. Moscow: House of the Russians Abroad named after Alexandr Solzhenitsyn: *The Russian Way*, 2010. 544 p. (in Russian)

6. *Zaitsev, B.* Dni [Days]. / Compilation and preparation of texts and notes by A.K. Klementyev; foreword by O. Rostov. Moscow: *Russian way*; Paris: YMCA-Press, 1995. 480 p. (in Russian)

7. *Klimovich, L.V.* Formy sokhraneniya kul'turnoi identichnosti molodym pokoleniem rossiiskikh emigrantov v 1920–1930-e gg. [Forms of preserving cultural identity by the young generation of Russian emigrants in the 1920^s–1930^s]. / L.V. Klimovich, L.Yu.

Lukicheva // History: facts and symbols. Yelets, 2016, no. 4, pp. 14–20. (in Russian)

8. *Lagovsky, I.* Russkaya molodezh zdes' i tam [Russian youth here and there]. / I. Lagovsky // Bulletin of the Russian Student Christian Movement. 1934, nos. 5–6, pp. 9–16. (in Russian)

9. *Muromtseva, L.P.* Rol' bibliotek v sokhranении istoriko-kul'turnogo naslediya rossiiskoi emigratsii [The role of libraries in preserving the historical and cultural heritage of Russian emigration]. / L.P. Muromtseva // Rumyantsev Readings – 2018: [in 3 parts]. Moscow: Pashkov House, 2018, part 2, pp. 181–187. (in Russian)